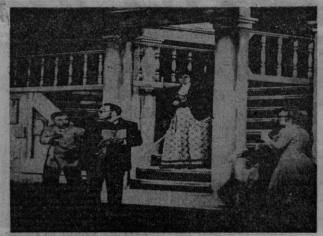
Сегодня - Международный день театра-

ень телетра и предетельстве. Прислушейтесь, кек дышит зал на «Триптихе для двоих». Тонкий поэтический спектеклых об одинонестве на миру, о жажде любви и общения, о естественном стремления человека к понименно за ставит замареть естественном стремления и тридцетитетию о женщину, понсионера с маленькой внучной на руках Душе этих людей умеет видеть прекрасное, не покрылась нелетом скепсиса и прагматизма. Кстати, самих ектеров часто сравнивают с детьми. И в этом, думается, нет мичего обидного (котя да, рания), а, напротив, много комплиментармого: добры, отзывляментармого: добры, отзывляментармого: добры, отзывлую относится не только к ектерем. Все люди театра, кто бы они им были по профессии, любят его преденной и, наверное, нелегкой любовью и, на еще, как не преденностью театру можно объяснить долготерпение Нины Федосевым Бухлиной, сдержанной,

это мтог работы большого коллентиве, потому что это сотворение спектакия—нового, отпичительного от всего созданного домыне. И не всегде это
идитя» удачно, в творчестве
никто не застрахован от неудач. Но уже на следующий
день все они живут новыми
надеждами, новыми ролями.
А сегодня по доброй традиции — «капустник». Красивые,
нарядные ветераны — подчеркнуто торжественны, а молодежь — подчеркнуто раскованне, они соберутся одной
большой семьей — театральной — на свой празднии, который отменные в этот день на
ссех комученные празднии, который отменателя в этот день на
зака комученные кара баботовых
Детгезе, Валентие Федоровна
Одуменция», Рамса Ивановна Гороживнова, Виктор Шенн, семья
Аббясовых, чета Камышевых,
Ввадимир Кнестиков и -Людмиля Ларина, Ольга Сабирова,
Вениамин Прохоров, Александр
Воронин, все-все, для кого тевтр стал и домом, и местом
работы. И, конечно же, они
остроумно и дружелюбно посмеются над неутомимостью
своего «главного» — Алексендра Яковлевича Славутского, быть может, нарисуют забавный шарж на спокойного,
михойловича
Патракова и на
оставят без внимения Феликса
Соломоновиче Бермана, которому в этот вечер они все
простят и забудут. Потому что
праздник, потому что премьера.
Этот своеобразный монолог,
призначие в любви к театру я

простатт и забудут. Потому что премаения потому что премые дот своеобразный монолог, признание в любви к театру я намаля писеть в очень трудный, будний день. В зелетелемание в писывало спектакль по пьесе А. Хмелика, шли последние репетиции редкого на советской сцене спектакля по произведение убражения и реквызит для «Трамвая и реквызит для «Трамвая и Мелание». А тут я еще со своей беседой, с разговором. Позтому и возникло желание поменяться местами, рассказать о театре, об этом удивительном, интересном мире, который существует две с половиной тысячи лет, заставляя чалогором. Кстати, в нашем тватре опатак, кетати, в нашем тватре опатак, которы с сероем и сторую дрят вем Чарлы Диккенс, Феликс Берман, Александр Патраков и актери, служители древнейшей музы на земле.

Л. РАДЬКО. НА СНИМКАХ: сцены ма

НА СНИМКАХ: сцены из спектаклей «На всякого муд-реца довольне простоты», «Иван-дурак и черти». Фото Е. Епанчинцева.

признание В ЛЮБВИ

БЫКНОВЕННОЕ ЧУДО. Странное словосочетание, не правда ли? Даже не просто странное — парадоксальное, взаимоисключающее. В самом даля, всли чудо, то эначит что-то ивобымновенное, неординарное, удивительное, и всетами сколько таких чудес окружает нас в нашей ловседновной, будимчной жизние. Мы привыкаем к ним, парастаем удивляться и порей эксплуатируем их... как собственные домашние тапонки. Вот хотя бы одно такое привычное обынновенное чудо. Очемиды утвержденот, что тот, кто однажды слышая голос этой хрупкой, навысоной жемщины, не забудет его до конца дней своиз. Такая в им человенные модуляция в дохов жителероные модуляция в дохов жителероные модуляция в дохов жителероные модуляция преседения, протестом войно слушать его в лингафонные мершиники, где заучег розеный дыкторский передод с граческого.

А эте жизнерадостная, забавная кутерьма заряжеет нас радостью бытия, оптимиз-мом, жеждой счастья. Толосом предостеражения, протестом войно стала сгорбланная фигура маркирганки, заплатившей за грошовый сбизнае жутерура маркирганки, заплатившей за грошовый сбизнае фигура маркирганки, что челено за догадатирной догарно за грошовый сбизнае то трасания царской дочеро Электры, жившерской дочеро Электры, жившерской дочеро Электры, жившей семь тысяч в предоставний не авиалайнере ресстояние и несколько тысяч киломеров, вечером будет беззаботно хохо-

интом фургоне из старинной средневековой хромики. И тот же зритель, быть может, только утром, преодолавший не авиалайнере ресстояние в несколько тысяч километров, вечером будет беззаботно хохотать над приключениями разбитного и неунывающего «слуги двух господ».

Да, это театр, удивительное искусство которого живет тысяч выключенном том, что оно емединанно умирает (когда опускается занавес) и также неумолимо возрождается. Живительное искусство театра не тронул ни тлен врамен, ни общественные катаклизмы, пережитые чалованеством. А разве не чудо его общечеляем и моторож которая торжественное шету по стренам и континентам! Чисто-та первого чувства итальянской двяочим и своему Ромео волнует урителей Киева и Лондоня, в избаловениям смувствует душеным тарэвниям чеховских стрех сестер».

— Зка, куде хватиля, — скажит сейчас какой-мибудь досужий читатель. — Лондон, Париж, еще Сару Бернар вспомните. Комечно, мы не будем тревосмите тени великих, но да-

вайте пристальнее вглядимся в тайиственную природу всевластия этого искусства. Когде игра известной трагической актира известной трагической актирисы Пелатанаскиу потрясает ученого, великолепного знаточественного, великолепного знаточественного, великолепного знаточественного, великолепного сезона поехали «жизнь покумента», которые после успешного сезона поехали «жизнь покумента», которые после успешного сезона поехали «жизнь покумента», которые после успешного сезона поехали «жизнь покумента», которые покумента по потали на меморивльный спектакля, которые покументальные дящи рыдали, не стасилясь слоз. А вот уже из области уднеительного: в маленьком зальчике, оборудовенном в большой аудитории, студенты-любители, буквально сгорая в огне высокого лицедейства, так поведали о Станьке Разине, наэлектризованная игра Светаный Романовой в гельмановском споктакле, котороя заставляет женщин конце двадитого внак (очень сильных и сдержанных особ) лихорадочно искать в сумочках носовые платочны тра же смезы и среденный заразичельный, жманералостный? Пожалуйста: очень искушенный заригель и хороший режиссер, поставивший очаровательную театральную сказку, от души смеется над проделжами Морганы и зложночениями мердечника-женных.

И для этого воксе не надоехать в делекие престольныма.

для этого вовсе не надо

и для этого вовсе не надо ехать в делекие престольные города, достаточно прийти на читинскую Театральную плочитинскую Театральную пло-щадь, здесь находится это уди-вительное чудо под названием театр. Причем театр — это не только сцена. Какие порою шекспировские страсти кипят только сцена. Какие порою шекспировские страсти кипят как раз за кулисами! Кого-то не устраивает концепция образа режиссера, кто-то обижен распределением ролей, третья не может вобжить» сценический костом, по неизвестным причинам не пришел на работу осветитель, куда-то запропастилась маринтофонная пленка с музыкой к спектаклю., но гаснет свет, поднимается занавес и начинается то главное, ради чего живет театр: таинственный диалог сцены и зрителя. Разговор идет о самом сокровенном и открытом, о добре и зле, люб открытом, о добре и зле, любкрасивой женщины, прекрасной закройщицы, которая «сноситя и капризы актеров, и требования художника-оформиталя, и меуравновешенностя и капризы Алектасия Миланова Алектасия Миланова Алектасия Миланова Алектасия Миланова Алектасия Миланова Алектасия Поравочения в своем театре? Илистояря Виктор Николевни Салеров, когда дело доходит до декораций, то режиссер-постановщик произносит уже ставшую крылатой фразу. «Господи, что бы я без него делал?!». Вы не представляете, какая прездничная, особея атмосфера церит в день премьеры. Позади суете, спешка, нервные срывы, иногде слезы, огромное напряжение воли — и вот в зале еще не отзвучали аплодисменты, а за кулисами они поздравляют друг друге, нарядные, оживленные. И участники, и коллеги, все, кто живет и служит своей нелегкой и капризной музе. Премьера — это особенный, просветленный, прощеный день, потому что

